

Александр Павлович Люсий –

старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Крым Новорусский

Новые политические редакции мифа и текста с точки зрения геополитических рисков

Тавриду можно будет взять. А от Новороссии придется отказаться.

Лев Славин «Интервенция» (вольное перепрочтение)

Наблюдатель? свидетель событий? войны в Крыму? Масса жертв — все в дыму — перемирие полотенца... Нет! самому совершить поджог! роддома! И самому вызвать пожарных, прыгнуть в огонь и спасти младенца, дать ему соску, назваться его отцом, обучить его складывать тут же из пальцев фигу. И потом, завернув бутерброд в газету с простым лицом, сесть в электричку и погрузиться в книгу...

Иосиф Бродский «Из Парменида»

(точное цитирование точного метафорического попадания)

Помыслить завершение истории там, где сохраняется пустая форма суверенности, столь же невозможно, как мыслить исчезновение Государства без завершения его исторических фигур, так как пустая форма Государства стремится породить эпихальные содержания, а они, в свою очередь, ищут государственную форму, которая стала, однако, невозможной (именно это происходит в бывшем Советском Союзе и бывшей Югославии).

Джорджо Агамбен «НОМО SACER. Совершенная власть и голая жизнь» (просто цитата)

Международное рейтинговое агентство Moody's изменило прогноз по суверенному кредитному рейтингу России со «стабильного» на «негативный». <...> Moody's мотивировало ухудшение прогноза по российскому суверенному рейтингу ростом восприимчивости России к геополитическим рискам.

Из ленты актуальных новостей журнала «Русская Фабула»

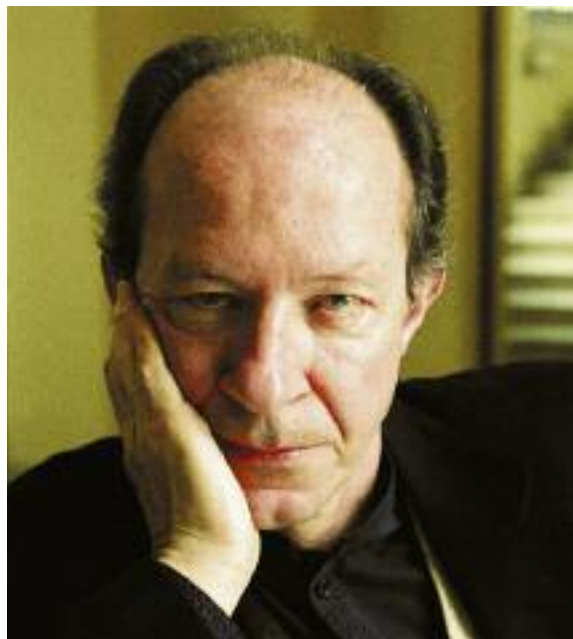
Что там трещина — Большой Крымский каньон прошел через сердце культуролога. Большинство моих крымских друзей приветствуют изменение статуса Крыма, часть москвичей недовольны формой событий, а киевлян — и содержанием тоже. Объяснение ищу у Джорджо Агамбена, указывающего, что «суверенное государство основывается на “идеологии возможности”», которая заключается в том, чтобы «привести к единству два элемента любой власти <...> принцип возможности и форму его исполнения».

Если обратиться к истории, то короткие вспышки крымской суверенности то гаснут втуне, то порождают новые миры новых измерений и качеств. Взять хотя бы судьбоносное крещение в Херсонесе (как итог осады города) древнерусского князя Владимира Святого, за которым последовало и крещение Киевской Руси как таковой.

Обычное состояние Крыма — быть прекрасной провинцией того или иного государственного образования, обычно имперского, хотя для древних греков это был не сладостный юг, а крайний север с именно здесь, в «киммериан печальной области», расположенным входом в подземное царство Аид. Я, впрочем, на одной теледискуссии об имперском контексте крымской темы однажды заявил: «Крым — сам по себе империя, если под империей подразумевать более-менее гармоничное сосуществование разных этносов». В самом деле, здесь происходило немало военных конфликтов и социальных катаклизмов, но не могу упомянуть ни одного большого межэтнического столкновения — даже на почве этнических зачисток. Не было тут, в частности, в отличие от прогремев-

ших этим окружающих пространств, еврейских погромов.

Бывало, здесь образовывалось сразу несколько вполне самостоятельных государств (Херсонес, Боспорское царство). С XII по XV век в юго-западной части полуострова существовало княжество Феодоро, с которым желал династически породниться великий князь московский Иван III. Высшим же выражением политической субъектности Крыма стало Крымское ханство. Хотя оно находилось в формаль-

Большинство моих крымских друзей приветствуют изменение статуса Крыма, часть москвичей недовольны формой событий, а киевлян — и содержанием тоже. Объяснение ищу у Джорджо Агамбена (на фото), указывающего, что «суверенное государство основывается на “идеологии возможности”», которая заключается в том, чтобы «привести к единству два элемента любой власти <...> принцип возможности и форму его исполнения».

ной зависимости от Османской империи, силовые линии по осям Бахчисарай—Варшава—Москва были определяющими в системе международных отношений XV—XVIII веков, заложив фундамент пресловутого «изобретения Восточной Европы» (Ларри Вульф).

После присоединения Крыма к России в 1783 году территория стала обычной — Таврической — губернией, включившей большую часть современной Херсонской области (Северная Таврия) вплоть до 1917 года, когда опять началась череда крымских суверенитетов. Надо сказать, раскачать ситуацию здесь в том году было гораздо сложнее, чем на других просторах Российской империи. Февральско-мартовская революция первоначально именовалась в Крыму, как отмечают крымские историки Александр и Владимир Зарубины, «событиями в Петрограде». Смена власти и формы правления

были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием. В районе Черного моря, в отличие от Балтики, особая революционная подготовка не велась. Однако, по мнению историка Михаила Бунакова, революция пришла в армию и флот... «по приказу высших начальников». Не кто иной, как командующий Черноморским флотом адмирал Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Здесь был опубликован приказ Петроградского совета №1 и дублирующий его приказ военного и морского министра Александра Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов, титулование офицеров. Смягчалась кара за дисциплинарные проступки. Тут подоспели и газеты из Петрограда и Москвы,

Карл Брюллов. Бахчисарайский фонтан. 1849 год

Высшим выражением политической субъектности Крыма стало Крымское ханство. Хотя оно находилось в формальной зависимости от Османской империи, силовые линии по осям Бахчисарай–Варшава–Москва были определяющими в системе международных отношений XV–XVIII веков, заложив фундамент пресловутого «изобретения Восточной Европы».

а количество газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте, начало расти. На флоте появились агитаторы, и вскоре настроение команд изменилось. Именно грамотные офицеры, чуждые войне и казарменному образу жизни, прапорщики, вольноопределяющиеся из «интеллектуалов», во множестве возглавившие армейские и флотские комитеты, столь же во множестве возникавшие весной 1917 года, и стали проводниками революционных идей. Таким образом, всю послефевральскую Россию можно представить в виде гигантского открытого информационного пространства, нуждав-

шегося в адекватном — в смысле соответствующего языка, своевременности и содержательности — наполнении. Однако ввиду отсутствия информации, необходимой для эволюционной трансформации социума, развитие ситуации стали определять слухи, навты, демагогическая ложь. Информационное поле превращалось в кипящий котел всеобщей подозрительности (Владимир Булдаков). В связи с отречением Николая II от престола перед военнослужашими в Крыму обострилась проблема присяги. 12 марта флот был приведен к присяге новой власти. Русские генералы и офицеры сделали свой выбор, но окончательный выбор оказался не за ними.

10 мая съезд Советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Одна из его резолюций гласила: «Считая, что интересы революции в России диктуют в некоторых случаях в целях установления и закрепления демократического строя согласованности действий пролетариата, крестьянства и демократически настроенной буржуазии, съезд признает, что тактика Советов рабочих и солдатских депутатов должна вести не к возбуждению классового антагонизма, а к выяснению классового самосознания пролетариата». То есть ведомые «меньшевиками» Советы попытались в Крыму встать на путь пресечения классовой розни, стремясь закрепить мирный путь развития революции. Однако в сложившихся условиях «выяснение классового самосознания пролетариата» было уже идентично «возбуждению классового антагонизма», а февральско-мартовский пе-

релом успел ознаменоваться истреблением офицеров на Балтийском флоте (Кронштадт, Петроград, Гельсингфорс).

В основе революционаризма солдатской массы было архаичное неполитическое бунтарство, в результате чего новая революция оказалась чрезвычайно примитивной по своей человеческой природе (впрочем, любая революция – в той или иной мере проявление социальной энтропии, осложняемой в некоторых случаях территориальным размежеванием). Как описывал осень 1917 года в Крыму участник событий полковник Николай Кришевский, «хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъем и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой». Эта масса, внешний для Крыма элемент, и стала главным двигателем социалистической революции. 16-17 ноября 1917 года Губисполком созвал Всекрымский съезд Советов (Симферополь). Он девятью голосами против семи объявил Октябрьскую революцию «преступной авантюрой», признал решения II Всероссийского съезда Советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и националистических организаций», или «демократическому совещанию Тавриды». Однако в итоге его ждала судьба Учредительного собрания в Петербурге.

Параллельно набирало силу крымско-татарское национальное движение. В Бахчисарае был создан курултай, сформировавший «Крымско-татарское национальное правительство» под руководством муфтия Челебиджана Челе-

биева, провозгласившего лозунг «Крым для крымцев» (подразумевая под «крымцами» все население Крыма). Написанное им воззвание Мусисполкома гласило: «Чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устройении судьбы своего края и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым. Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может решить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей». Это правительство сформировало «армию» из нескольких тысяч националистов, которая разоружила солдат береговой батареи в Евпатории и попыталась в декабре 1917 года штурмовать Севастополь. Однако матросы Черноморского флота и солдаты Севастопольской крепости разгромили эти отряды, Челебиев был взят в плен и расстрелян.

В результате непростого сплетения социальных и геополитических процессов по инициативе Ленина в Крыму в марте 1918 года была провозглашена Таврическая Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Республика Таврида), вскоре переименованная в Таврическую ССР. Был сформирован местный Совет народных комиссаров в составе 8 большевиков и 4 левых эсеров. Деятельность учреждений республики была направлена на преобразования в духе казарменного военного коммунизма. В собственность республики перешли: железнодорожный транспорт, торговый флот, многие предприятия, банки, связь, внешняя торговля, леса, крупные имения, имущество церковных и религиозных общин, гостиницы, постоялые дворы, меб-

лированные комнаты, театры, кинематографы, музыкальные предприятия, аптеки (вскоре денационализированы), отчасти типографии. Все недра земли и моря – руды, соль, воды, нефтяные источники – были объявлены достоянием всего народа и Республики Тавриды. Некоторые местные руководители стали проявлять более радикальные инициативы. Так Балаклавский совет – Балаклавская коммуна, – получив телеграмму СНК Республики Тавриды о передаче в его распоряжение контрибуции с буржуазии, отбил следующий ответ: «Балаклавский совет, в отличие от всех остальных Советов Тавриды, проводит в жизнь основной принцип социализма – уничтожение классово-структуры современного общества. Балаклава больше не знает эксплуататоров и эксплуатируемых. Местная буржуазия, благодаря целому ряду декретов Совета, как класс перестала существовать. Все частные хозяйские предприятия перешли и переходят в руки Совета. Балаклава с каждым днем все более и более принимает вид и характер социалистической коммуны».

Однако эксперимент с первым крымским социалистическим суверенитетом оказался непродолжительным. Уже в следующем месяце отряд армии созданной по условиям Брестского мира Украинской Народной Республики под командованием полковника Петра Болбочана вторгся на территорию республики, открыв дорогу двигавшимся вслед немецким войскам. С «красной опричниной» в Крыму, как назвал этот период Антон Деникин, было покончено.

По соглашению между Киевом и Берлином от 27 апреля 1918 года, украинские части покинули Крым, отказавшись от претензий на полуостров. С 1 мая по 15 ноября 1918-го

Крым де-факто был под германской оккупацией. А джоре — под управлением автономного Крымского краевого правительства генерала Сулеймана Сулькевича. В декларации «К населению Крыма» провозглашалась самостоятельность полуострова, вводилось гражданство Крыма и государственная символика. На флаге герб — двуглавый орел Таврической губернии — размещался на голубом фоне кок-байрака — знамени Чингизидов. Ставилась задача создания собственных вооруженных сил и денежной единицы. Вводилось фактически три государственных языка — русский, крымско-татарский и немецкий. Восстанавливалась частная собственность. В июле 1918 года правительственная делегация Крыма посетила Берлин с целью добиться признания германским правительством независимости Крыма от Украины, получить от него займы и установить торговые отношения с Германией. Негласно германскому правительству была также предложена докладная записка Крымско-татарской дирекции о создании Крымского ханства (под покровительством Германии и Турции), что поддержки в Берлине не получило. Отношения Крыма с прогерманским правительством Скоропадского не сложились. В интервью одной из ялтинских газет Сулькевич сказал: «Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений. <...> После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как “губерниальному старосте” на украинском языке. Я ответил, что я не “староста”, а глава правительства самостоятельного края, и

что я прошу установить сношения между нами на общепринятом языке — на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве “разрывом дипломатических отношений”. Мы, то есть крымское правительство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери».

В сентябре-октябре 1918 года крымско-украинские переговоры в Киеве все же состоялись. Украинская делегация предложила Крыму войти в состав Украины на правах предельно широкой автономии. Крымская делегация вынесла контрпредложение: создание федеративного союза. К соглашению прийти не удалось. Предупрежденный немцами об их скорой эвакуации, Сулькевич обратился за помощью к Деникину, но получил отказ, мотивированный прогерманской и сепаратистской позицией руководства Крыма.

После ухода из Крыма немецких оккупационных войск правительство Сулькевича 15 ноября 1918 года мирно передало власть второму Крымскому крайевому правительству во главе с Соломоном Крымом, местным караимом, кадетом, избранным Крымским земством. Это было, по словам Владимира Набокова, отец которого был в этом правительстве министром, одно из «героических краевых правительств, что создавались в русской глуши горстками демократов для отпора диктатуре большевиков». По отзывам одного из лидеров крымских кадетов Даниила Пасманника, целями правительства Соломона Крыма были выработка образца «для оздоровления всей остальной России», создание совершенной формы «гармонического сотрудничества демократической гражданской власти и

военного командования, ведущего вооруженную борьбу с Красной армией». История показала, насколько утопическим был этот проект. В апреле 1919 года, взяв в первый раз Перекоп, на полуостров вошла Красная армия, чьи солдаты были одержимы идеями иной — более воплощаемой в тот период — утопии. Здесь была провозглашена Крымская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (Керченский полуостров в это время оставался под контролем белых).

С 1 июля 1919 по 12 ноября 1920 года Крым находился под контролем правительства Юга России (сначала во главе с Деникиным, на заключительном этапе — с Врангелем). Любопытно, что особую роль в перипетиях Гражданской войны играл Севастополь, всегда имевший не только особое символическое значение, но и особый статус. Общеимперское значение города по умолчанию признавалось всеми противоборствующими сторонами. Так, Врангель отказался подчиняться Деникину и помогать ему в походе на Москву, поскольку последний не мог претендовать на ранг правителя России, так как владел лишь областными (Екатеринодар) и окружными (Ростов-на-Дону) городами, притом не коренными русскими, а периферийными казачьими центрами. У Врангеля же был коренной российский имперский город (хотя и на краю России — но это вполне как Петербург), превращенный в столицу последнего белогвардейского региона, претендующего на всероссийскую имперскую власть. Опираясь именно на эти формальные основания, Врангель, вопреки известным литературным утопическим сюжетам, отказался от предложения Англии отделить Крым от России и преобразовать его в отдельную

Карта Таврической области. 1792 год

республику под гарантии Антанты.

Крымская АССР как многонациональная автономия в составе РСФСР существовала с 1921 по 1945 год. Ее официальными языками были русский и крымско-татарский, а в местах компактного проживания других народов, получивших статус национальных районов, — также немецкий и еврейский. В 1941–1944 годах Крымский полуостров (вместе с Херсонской и Запорожской областями) входил в генеральный округ «Крым». По вертикали эта новая административная единица являлась составной частью рейхскомиссариата «Украина». В планах было прямое подчинение Берлину. Чтобы Крым, с одной стороны, стал «немецким Гибралтаром», с помощью которого можно было бы контролировать всё Черное море, с другой — превратился бы в «один огромный

После присоединения Крыма к России в 1783 году территория стала обычной – Таврической – губернией, включавшей большую часть современной Херсонской области (Северная Таврия) вплоть до 1917 года, когда опять началась череда крымских суверенитетов.

немецкий курорт», с третьей — оказался бы своего рода Готландом, для чего были организованы археологические экспедиции на городище Мангуп — столицу средневекового готского княжества Феодоро. Реальное же управление Крымом осуществлялось командованием расквартированных здесь воинских частей.

В 1945 году Крымская АССР была ликвидирована путем преобразования в Крымскую область в связи с изменением этнического состава населения Крыма (в результате депортации крымских татар, армян, болгар и греков). В 1954 году по соображениям тогдашней экономической целесообразности состоялась пере-

дача области в состав УССР. При этом в соответствующем постановлении Президиума Верховного Совета СССР и каких-либо иных документах ничего не говорилось об имеющем двойной статус союзно-республиканского подчинения Севастополю. Это дало основание Верховному Совету России в 1993 году принять постановление о сохранении российского суверенитета по отношению к Севастополю, что стало одним из последних этапов тогдашнего противостояния законодательной и исполнительной ветвей российской власти накануне его перехода в неразрешимую кризисную фазу. Политические процессы в России и в

Особую роль в перипетиях Гражданской войны играл Севастополь, всегда имевший не только особое символическое значение, но и особый статус. Общеимперское значение города по умолчанию признавалось всеми противоборствующими сторонами.

Крым в то время развивался параллельно — но не взаимосвязано.

В ноябре 1990 года в связи с начинавшимся «парадом суверенитетов» был поднят вопрос о восстановлении Крымской АССР. 20 января 1991 года состоялся первый плебисцит в истории СССР — референдум о будущем статусе Крыма с вопросом: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» Подавляющее большинство населения Крыма ответило на этот вопрос положительно, за исключением значительного числа крымских татар, настаивавших на восстановлении национальной автономии.

Реакцией на путч ГКЧП 19 августа 1991 года стал «Акт о провозглашении независимости Украины», принятый Верховным Советом УССР 24 августа 1991 года. Исходя из сложившейся ситуации, Верховный Совет Крыма принял 4

сентября 1991 года «Декларацию о государственном суверенитете Крыма». Крымская конституция, принятая 6 мая 1992 года, провозглашала создание «правового, демократического, светского государства» — Республики Крым в составе Украины. Вводился принцип деления «государственных органов» республики на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Отмечалось, что они будут самостоятельными и станут уравновешивать друг друга. В исполнительную и судебную ветви власти включались такие новшества, как институт президентства и Конституционный суд.

В 1994 году был избран первый (и пока последний) президент Республики Крым Юрий Мешков. Было сформировано правительство из приглашенных специалистов во главе с известным экономистом Евгением Сабуровым. Но вскоре местные элиты криминальной окраски спровоцировали конфликт между президентом

и Верховным Советом, который разрушил ростки крымской государственности. 7 сентября 1994 года были внесены изменения в законодательство, согласно которым президент переставал быть главой государства, оставаясь лишь высшим должностным лицом и главой правительства. Мешков указом от 11 сентября приостановил деятельность Верховного Совета и других Советов, аннулировал мандаты их депутатов до проведения референдума по проекту нового варианта конституции. Но силовые структуры и прокурор Крыма поддержали законодательную власть, и 13 сентября кризис был разрешен в пользу Верховного Совета. Далее вместо импичмента конкретно Юрию Мешкову начались удары по институту крымского президентства. Президент был лишен права быть главой правительства (им стал премьер-министр) и назначать кандидатуры членов правительства. Кризис власти в Крыму дал возможность Украине усилить свое воздействие на политическое поле автономии. 17 марта 1995 года вышел закон Украины, который упразднял крымскую конституцию 1992 года, институт президентства как таковой и Конституционный суд. Исполнительная и судебная власти были ослаблены. В период между крымской конституцией от 6 мая 1992 года и новой конституцией Автономной Республики Крым (АРК), как стала называться автономия, от 21 октября 1998 года, отмеченный правовой неустойчивостью, напряженным противостоянием автономии и центра, Крым находился в центре мирового информационного внимания. В результате деструктивных форм политического развития и активного устремления криминала во власть были утрачены законотворческие полномо-

чия, права собственности АРК, бюджетные полномочия, самостоятельность в формировании судебных, правоохранительных, контролирующих органов и органов местного самоуправления. Авантюризм и демагогия политических лидеров способствовали политической изоляции Крыма, взорванной политическими процессами на Украине в 2013-2014 годах.

Коснувшись основных этапов истории, нельзя оставить совсем без внимания синхронный – пространственный – контекст нынешнего изменения статуса Крыма, ставшего своеобразным сигналом для всех дискриминированных регионов в мире – в Трансильвании и Южном Тироле, провинции Венето и Каталонии, Шотландии и Канаде. Возможно ли повышение значения исторической и геополитической, основанной в данном случае на «фундаментальной локализации» (по Агамбену) справедливости в современных международных отношениях? По мнению крымского социолога и философа Олега Габриеляна, для Крыма геополитический фактор является ведущим. Он задает общее направление развития этой территории. То есть влияние внешних по отношению к Крыму сил является определяющим. Вместе с тем внутреннее давление места на «физические» свойства и функции социального обустройства Крыма также имеет особое значение. Если осмысливать историю Крыма в понятиях «провинция» и «периферия», то, безусловно, первое понятие более точно отражает специфику этого региона. Под провинцией понимается социально-территориальное образование, имеющее свою историю, культуру, этнос, религию и даже государственность – всё то, что делает это образование особенным, уникаль-

ным. Периферия же – всего лишь окраина, то, что выброшено из центра и влечит маргинальное существование. В общепринятой терминологии вместо понятия «провинция» употребляется слово «регион». Региональные политики – за редким исключением – не обращаются к профессиональным историкам, культурологам, краеведам, хотя именно историческая и культурологическая характеристики региона и должны являться исходной концептуальной основой любых преобразований, выбора общих ориентиров социально-экономического развития. Сама мультикультурность крымского сообщества переводит проблему национальной идентичности в плоскость культурной идентичности. Такой перевод оказывается эффективным и результативным. «Культурная демократия» ведет к тому, что каждая «партия» возвращается к своей культуре и пытается лучше ее понять.

Между тем меняется и сама методология гуманитарных исследований. На стыке разных отраслей гуманитарных наук в России осуществляется формирование новой научной традиции концептуализации и исследования текстов культуры (супертекстов) разного уровня, что приобретает характер текстуальной революции современного гуманитарного знания. В этой парадигме текст культуры – это явление «нелинейной» истории, последовательное развитие темы на основе постоянных «ядерных» признаков.

Написав несколько книг, посвященных крымскому тексту, я оказался участником... Первой мировой крымской семантической войны. То есть «войны» не за сам Крым, а за – текст! В 2006 году состоялось сразу два международных научных мероприятия, в той или иной мере посвященных

крымскому тексту, с некоторой конфронтацией по отношению друг к другу. Во-первых, конференция «Крымский текст в русской культуре» в Петербурге, на которую приехали представители университета Сорбонна из Парижа («Антанта»). Во-вторых, Международная летняя школа в Крыму, задавшаяся вопросом: «Существует ли крымский текст?» – в составе Института Лотмана при Бохумском университете (Германия), Института европейских культур (при РГГУ) и Таврического национального университета. (Своего рода «тройственный союз»!) Меня поначалу ни на одну из них приглашать не хотели, почему-то решив создавать свои «крымские тексты» на пустом месте – пример складывающихся в «театре семантических войн» новой картографии связей и системы координат с лексическими набегам, как охарактеризовал такое состояние философ Александр Неклесса.

Однако значение культуры заключается в умении преобразовать политические вызовы, равно как и предвосхищать их. Отмечу именно текстологическую недоработанность формулировки вопросов, вынесенных на референдум 16 марта 2014 года, «вызывающе» изменивший статус Крыма: «“Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?” или: “Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?”». А если кто-то хочет сохранить статус-кво? На это указывает, помимо политических и юридических претензий, заключение Венецианской комиссии (Европейской комиссии за демократию через право), сделанное на 98-м пленарном заседании 21-22 марта 2014 года: «Свод рекомендуемых норм

В 1994 году был избран первый (и пока последний) президент Республики Крым Юрий Мешков (на фото). Было сформировано правительство из приглашенных специалистов во главе с известным экономистом Евгением Сабуровым. Но вскоре местные элиты криминальной окраски спровоцировали конфликт между президентом и Верховным Советом, который разрушил ростки крымской государственности.

при проведении референдумов требует, чтобы вынесенный на голосование вопрос был сформулирован ясно, он не должен вводить участников референдума в заблуждение, он не должен содержать в себе подсказки ответа, избиратели должны быть информированы о последствиях референдума, участникам голосования должна быть предоставлена возможность отвечать на вопросы только «да», «нет» или опустить незаполненный бюллетень». Кстати, приведенная выше формулировка референдума 1991 года о восстановлении крымской автономии была более обтекаемой, несмотря на то что основные указанные в ней реалии вскоре прекратили свое существование. Хотя в бюллетене отсутствовало какое бы то ни было упоминание Украины, сама Украина была не против (подвергнув, впрочем,

вскоре его результаты своей интерпретации).

Формулировки всех текстов должны быть точными, емкими и открытыми, не только учитывать «имперский вызов», но и прислушиваться к местному ответу. Поскольку в заключении Венецианской комиссии оговаривается незнание конкретной ситуации на месте, основанные на формальных принципах выводы носят предварительный характер и должны быть подтверждены непосредственным изучением ситуации. Всё это наглядно демонстрирует важность и даже политическое значение чтения текстов культуры в их структурной це-

лостности и коммуникативном потенциале. Может быть, после весеннего референдума стоит провести и референдум осенний, по итогам курортного сезона? Ведь если крымчан считают по весне, то некрымчан — по осени...

Пока крымская суверенность предстает лишь в качестве инструмента для изменения территориальной принадлежности. Наблюдается не повышение, а политическое и культурное растворение Крыма в общероссийском пространстве с промежуточным заявленным, но не получившим реального развития проектом «Новороссия» как примером «учреждения возможности» (по Агамбену). Новый политический крымский текст, по которому тоже полезно было бы провести пару международных конференций, проходя сквозь вертикальные мифологические измерения, действует в коорди-

натах горизонтальной политической коммуникации с помощью неакадемического языка народной политики. Филолог Анатолий Корчинский следующим образом раскрывает политическое бессознательное этого языка. Националисты думают, что присоединение Крыма — это «русский» и/или «имперский» поворот власти. «Старые» левые уверены, что речь идет о «коммунистическом постскриптуме» Путина. Обыватель блаженно возвращается в солнечную грезу об «Артеке» и «всесоюзной здравнице».

Если же ограничиться ожидавшим почти четверть века востребованности своей суверенности и готовым к своей инструментальной роли мнением населения самого Крыма, то здесь преобладают носители российской мифологии, желавшие воссоединиться с мифическим же образом метрополии, за исключением значительной части крымских татар и этнических украинцев. Долгое время и из Киева, и из Москвы крымчанам с практически одинаковой силой убедительности говорили «нельзя», но когда этот апофатический тандем распался, большинство высказались за отсоединение от Украины. Пойти по этому же суверенному пути выразили желание и большинство жителей (само)провозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Однако их суверенность оказалась еще более инструментальной в общем проекте (или всё же политической утопии?) «Новороссия».

Российские политики оправдывают присоединение Крыма предвосхищающим нежеланием увидеть здесь «второй Донбасс». Украинские политики оправдывают жесткие меры «антитеррористической операции» нежеланием превращения Донбасса во «второй Крым». Политологи и полит-

технологи, с одной стороны, сводят роли Крыма и Донбасса к промежуточным этапам осуществления проекта «Новороссия» как альтернативной Украины Русского мира, а с другой — видят в Новороссии лишь дымовую завесу для закрепления Крыма, одним из способов которого стало размещение беженцев из Донбасса именно в Крыму. Сообщается о случаях конфликтов насчет места расселения: «Мы думали, что будем жить у моря»...

Согласно проведенной украинскими наблюдателями дифференциации, Донбасс — это продукт не российской, как Крым, а уже советской мифологии. Он заселен людьми советской закалки, которых принято обозначать обидным словом «совки». В советское время эти люди, в отличие от крымских пенсионеров и квартиросдатчиков, были привилегированной кастой, несмотря на то что в массе своей это низкоквалифицированная рабочая сила. Нигде больше низкоквалифицированных работников не баловали такими зарплатами и такими почестями, как на советском Донбассе. В те времена крымская молодежь охотно ехала на Донбасс в не всегда оправдывавшейся надежде на высокие заработки. «Остров Крым» — продукт скорее мифологии антисоветской. Одноименный роман Аксёнова 1-го находился на столах не лишенных революционных устремлений «внутренней геополитики» (определение Вадима Цымбурского) творцов Республика Крым, как «Вертер» — в ранцах солдат Наполеона. Нынешний реальный новорусский Крым Аксёнова 2-го стал фактором консервации нынешнего государственного устройства России. Проект «Новороссия» приобретает не только геополитическое, но и всё более непредсказуемое социальное измерение. Он теперь, по сло-

вам публициста Андрея Иванова, предполагает не только создание некоего территориального образования, где русский язык получит статус государственного, но и формирование государства с более справедливым социальным устройством. «Земля, ее недра, а также крупные промышленные и финансовые активы, созданные трудом народа, будут являться достоянием народа Новороссии и не могут находиться в частной собственности. <...> Деньги не товар, а лишь его меновый эквивалент. Ссудный процент — это метод закабаления предприятия и средство для несправедливого перераспределения ресурсов в пользу ростовщика (банка)», — определяет контуры социального устройства Новороссии один из ее лидеров Павел Губарев. Руководством Донецкой Народной Республики принято решение назначить надбавки к пенсиям, стипендиям и зарплатам бюджетников. В то время как на Украине с 1 июля ожидается повышение стоимости коммунальных услуг на 70—100 процентов, в ДНР решено заморозить их на уровне 2013 года. Новороссия может стать не только и не столько геополитическим ориентиром для российских граждан, а фактором пробуждения «русской весны» ненационалистического характера. Но присоединение такого социального качества вряд ли по душе российской олигархии. Не отсюда ли официальный переход от поддержки ополченцев к упору на мирные переговоры? Многочисленные сопоставления российско-украинских отношений с началом Первой и Второй мировых войн уже проделаны (особенно по части «аншлюса Крыма»), но ситуация напоминает скорее незапланированный эпизод Франко-прусской войны 1870 года, связанный не только с

аннексией Эльзаса и Лотарингии, но и с Парижской Коммуной, или даже Прутский поход 1711 года, если учесть еще один реальный новороссийский анклав — Приднестровье. В то же время член украинской «Организации марксистов» Виктор Шапинив в статье «Донбасс — это Вьетнам сегодня», несмотря на волну милитаристских порывов текущего (пост)Майдана, ожидает мощное антивоенное молодежное движение в Киеве и западной от него, сопоставимое с весной 1968 года в Западной Европе. Агамбен пишет: «“Юридически пустое” пространство чрезвычайного положения <...> прерывает свои пространственно-временные границы и, выйдя за их пределы, стремится отныне стать всеобщим, совпасть с нормальным порядком». По мнению Андрея Иванова, Новороссия — это уже свершившийся факт, что по-своему, кстати, понимает и днепропетровский олигарх Игорь Коломойский, контролирующий уже не только Днепропетровскую, но и Запорожскую, Херсонскую, отчасти Николаевскую и Одесскую области. Он хочет иметь то же самое территориальное образование, но под своим личным контролем и с иным направлением социальных трансформаций. Все революции обычно переформируются.

Итак, Крым болеет за Донбасс, Донбасс надеется оздоровиться руками Москвы Крымом. «Вежливо» начавшаяся в Крыму Первая мировая местечковая война — позволим себе островную метафорическую вольность — может привести к необратимым социальным изменениям, а может просто запутаться в энергетических обходных (северном и южном) «потоках». Бродит меж «потоков», не в силах долететь до середины Днепра, призрак новороссизма. 🇷🇺